

Александра Толстая

АЗЕТЫ и журналы не понимали или делали вид, что не понимают отца, чтобы иметь случай лишний раз поместить его слова, и запрашивали его мнение о русско-японской войне.

Так, например, филаделфийская газета спрашивала, за кого Толстой: за русских или японцев? На что отец ответил:

«Я ни за Россию, ни за Японию, а за рабочий народ обеих стран, обманутый и вынужденный правительством воевать против совести, религии и собственного благосостояния».

Удивительное дело, — говорил отец, — христианство запрещает убийство, буддизм также. И вот два народа, исповедующие религии, запрещающие убийство, со злобой убивают, топят, калечат друг друга.

Отец не мог оставаться равнодушным к войне, и, отложив на время «Круг чтения», над которым в то время работал, писал статью «Одумайтесь».

И только в далеких уголках России полуграмотные крестьяне понимали учение Христа так, как понимал его отец. Они не спрашивали его, за кого он:

«...» и т.д. «Если же мне выбирать, то я лучше уж выберу Владимира Александровича. Он заживной вор и не будет так страшно воровать».

В статье «Правительству, революционерам и народу» отец писал:

«Для того чтобы положение людей стало лучше, надо, чтобы сами люди стали лучше. Это такой же тупизм, как то, что для того, чтобы нагрелся сосуд воды, надо, чтобы все капли ее нагрелись. Для того же, чтобы люди становились лучше, надо, чтобы они все больше и больше обращали внимание на себя, на свою внутреннюю жизнь. Внешняя же общественная деятельность, в особенности общественная борьба, всегда отвлекает внимание людей от внутренней жизни и потому всегда, неизбежно развращая людей, понижает уровень общественной нравственности, как это происходило везде и как мы это в поразительной степени видим теперь в России. Понижение же уровня общественной нравственности делает то, что самые безнравственные части общества все больше и больше вступают наверх и устанавливаются безнравственное общественное мнение, разрешающее и даже одобряющее преступления. И

ворила о беспорядках на заводах, о забастовках, а отец делался все мрачнее и мрачнее.

Я рассказывала, как Саша Берс во время этих событий должен был вместе со своим Преображенским полком охранять мосты. Курсистка подошла к нему и начала его ругать. Она называла его палачом, жандармом, царским опричником. Саша терпеливо молчал. Тогда она плюнула в него. Не желая ее арестовывать, он нагнулся, приподнял ее на седло и отшлепал. Мне это казалось смешным.

— Ах, как можно, как можно смеяться, — сказал отец, нахмурившись, — ну что может быть ужаснее, чем эта взаимная злоба, рознь людей?

Говорили о том, как Лева (сын Льва Толстого. — Ред.) был у царя, как царь был растроган депутатской работой.

— А кто уполномочил этих рабочих идти к царю? — спросил отец. — Они не имели никакого права говорить от лица многомиллионного народа.

А когда я добавила, что Лева хочет написать царю письмо и считает, что оно будет иметь важное значение, отец сказал:

— Как они все любят учить, как любят учить, а сами ничего не знают, своей жизни устроить не умеют! Лева воображает, что

ты, как живые вставали перед нами...

— Какой отвратительный тип образуется из рабочего, — с грустью говорил отец, слушая эти рассказы, и все больше утверждаясь в мнении, что из Думы ничего не выйдет, — какое безумие, какой ужасный грех словесного говорения! И на эти бесполезные пререкания, шутовство, злобные выкрики тратятся миллионы народных денег!

Михаил Сергеевич не возражал, только добродушно посмеивался, в глубине души соглашаясь с отцом. Но брат Сергей всегда с ним спорил, убежденный в том, что от перемены правительства зависит благоденствие России. Иногда споры между отцом и братом доходили до обоюдного раздражения.

Иногда отец читал газеты, следя за политическими событиями, иногда месяцами не прикасался к ним. «Газеты хуже дурмана, хуже папирос, вот на газетах ясно виден вред цивилизации», — говорил он. — Каждый день громадные листы бумаги заполняются всякой чепухой. Печатают ненужную, преступную болтовню в Думе, шутовские выкрики, злобные речи левых, друг на друга нападают, оправдывают преступления, убийства».

Иногда, выходя в залу, он заставал разговоры о политике и невольно принимал в них участие, но спохватываясь и быстро уходил к себе.

Думой отец заинтересовался гораздо позднее и на короткое время, когда ему пришла в голо-

ЖИЗНЬ С ОТЦОМ

Из воспоминаний младшей дочери Льва Толстого

за русских или японцев, они отказывались брать в руки оружие и воевать. И делали это просто, не рисуясь, не думая о последствиях. А последствия были ужасные — их сажали в тюрьмы, отправляли в дисциплинарные батальоны, нередко секли, истязали...

...Помню такой случай. Мы сидели за завтраком. Снизу, запыхавшись, пришел отец.

— Ах, Боже мой, Боже мой! — громко охал он. — Ведь это ужас какой-то! Я ему говорю, что нельзя насильем добиваться улучшения положения народа, а он меня с таким апломбом перебивает: «Вы ошибаетесь, не нельзя, а должно беспощадно уничтожать всех тех, которые эксплуатируют народ!» И кто же? Гимназист лет семнадцати — еврей! Какая злоба! Какая злоба! Я стал ему говорить про закон Бога, про учение Христа. «Все это глупости, — снова перебил он меня, — никакого Бога нет!» Я не выдержал, раздражился! Главное, эта безграничная самоуверенность. «Зачем же вы ко мне пришли, если вы все так хорошо знаете?» — спросил я и вышел из комнаты.

Я редко видела отца в таком состоянии. Лицо его было красное, он дышал часто, быстро ходил взад и вперед по комнате и все охал.

Отец ждал революцию. Настроение рабочих, солдат, крестьян он чувствовал не только из разговоров, но и по бесконечным письмам, стекавшимся к нему со всех концов России. Он знал про нараставшее с каждым днем народное недовольство, знал, что никому не нужная, бессмысленная японская война, куда гнали сотни тысяч людей на смерть, переполнила чашу терпения...

Для него было совершенно ясно, что революция не улучшит положения народа, может быть, поэтому он неоднократно обращался к правительству, чтобы предупредить надвигающиеся кровавые события. Форма, по его мнению, не имеет значения, каждая власть основана на насилии, и каждая власть поэтому дурна. Новое правительство будет так же основано на насилии, как и старое. Как Кромвель, Марат давили своих противников, так и у нас новое правительство давило бы консерваторов, «Новое вре-

устанавливается ложный круг: вызванные общественной борьбой худшие части общества с жаром отдаются соответствующей их низкому уровню нравственности общественной деятельности, деятельность же эта привлекает к себе еще худшие элементы общества».

Когда к отцу обратился тульский крестьянин, спрашивая: «Долго ли еще будут многомиллионные серые сироты тащить перекувырнутую телегу», — отец говорил:

— Бросить ее надо, эту перекувырнутую телегу, бросить, пусть кто хочет тащит ее. Кто будет воевать, работать на помещиков, сеять, пахать, работать на фабриках, если крестьяне и рабочие откажутся?

События девятого января глубоко взволновали отца. Он говорил о бессмысленности того, что было сделано, обвинял агитаторов.

— Царь не мог принять пятнадцать тысяч рабочих, этого могла не знать темная толпа, но не могли не знать те, которые вели ее.

...Настроение было беспокойное, напряженное, говорили, что вот-вот вспыхнет революция, ждали беспорядков в Москве и других городах...

Я вернулась из Петербурга с тетенькой Татьяной Андреевной и с ее старшей дочерью. Мы привезли много новостей, рассказывали про то, что делалось в Москве и Петербурге. Отец с интересом, но с видимым страданием нас слушал.

Накануне, четвертого февраля, когда я была в Москве, послышался страшный взрыв. Все бросились к Кремлю. Говорили, что бомбой убит Сергей Александрович. Взрыв был настолько сильный, что не могли собрать тела великого князя, оно было разорвано на мелкие куски.

— Какой ужас! Какой ужас! — повторял отец, морщась от боли, когда я рассказывала, как в вагоне по дороге из Москвы студенты говорили, что убийство Сергея Александровича первый сигнал к началу революции. «Здорово сделано, чисто! Собака собачья смерть!»

— Ах, Боже мой! — застонал отец. — Ну как не понять, что злобой, жестокостью они вызовут еще большие жестокости и конца этому не будет.

Тетенька с возмущением го-

он напишет письмо царю и от этого судьба России изменится...

Все чаще и чаще запрашивали мнение отца о революции, задавая пустые, непродуманные вопросы. Не потрудились познакомиться с его взглядами и схватив налету то, что им было на руку — отрицательное отношение к церкви и государству, — некоторые революционеры делали быстрое заключение, что Толстой человек их лагеря, и наивно ждали от него сочувствия.

Были и такие, которые, хорошо зная взгляды отца, затупевали то, что им было не по сердцу, и, желая употребить влияние Толстого в свою пользу, распространяли некоторые его произведения. «Мне неприятно», — говорил отец, — что продается на улицах моя солдатская памятка. Я желал бы, чтобы мои мысли были приняты всецело, а не пользовались бы частью их для целей мне чуждых».

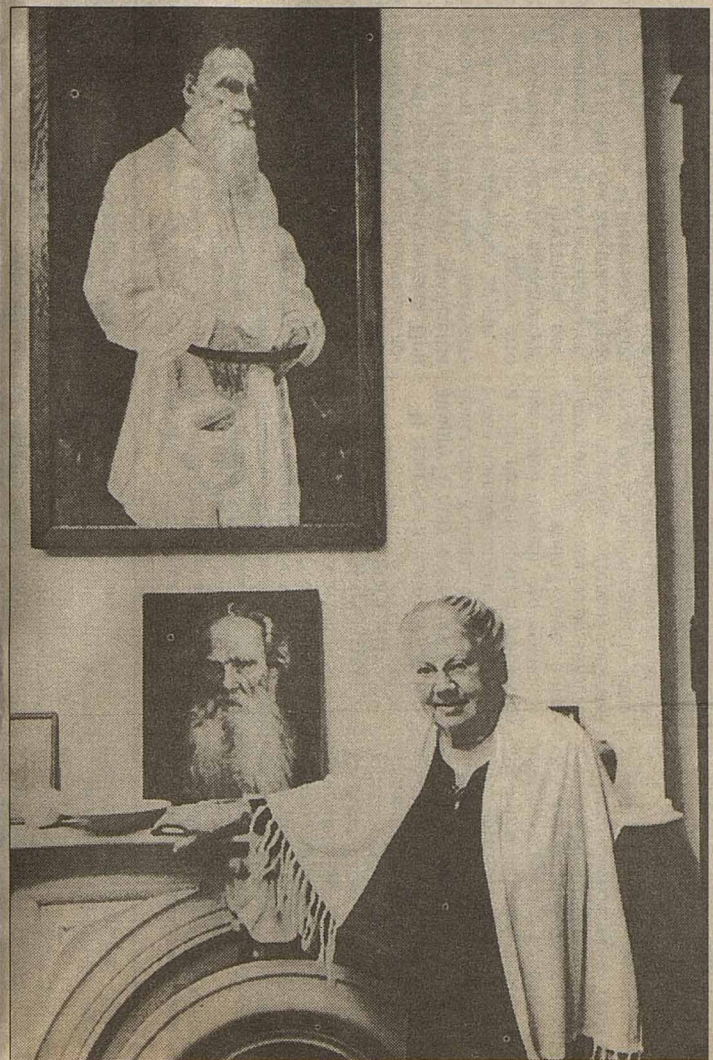
Когда отец старался оставаться в стороне — его осуждали.

«Меня причисляют к лагерю Каткова. В это время испытания надо сохранить свое я. Я за Бога и не за правительство, не за либералов. Люди пренебрегают той вещью, в которой одной они свободны: внутренней жизнью. Все делают планы, как осчастливить других, а про свою духовную жизнь забывают. Я живу в счастливых условиях отдаленности от этой борьбы и продолжаю именно в интересах освобождения людей сохранять и развивать свои мысли, которые позже, когда наступит время, будут полезны».

...Весной начались выборы в Государственную думу. Неожиданно для всех был выбран Михаил Сергеевич Сухотин (зять Л. Толстого. — Ред.). Несколько лет назад он был предводителем дворянства в Новосильском уезде, но затем совершенно отошел от общественной деятельности, и казалось непонятным, почему выбрали именно его.

Таня с дочкой жила у нас, и мы все с нетерпением ждали приезда Михаила Сергеевича из Петербурга.

Никто не умел так рассказывать, как он, — живо, интересно, остроумно. Чернотенные типы, представители рабочей партии в расшитых косоворотках, с их непримиримостью, наглос-

Александра Львовна Толстая.

— Ты вот говоришь Конституция, N.N. за неограниченную монархию, революционеры — за социализм, и вы все думаете, что можете устроить судьбу народа. А я уверяю тебя, что только тогда, когда каждый человек будет стремиться сам жить хорошо, не вмешиваясь в жизнь другого, только тогда жизнь людей улучшится.

— Но ведь надо же как-то ограничить власть. Ведь сам же ты ужасаешься, что правительство сажает в тюрьмы, расстреливает...

— И будет продолжать то же делать. Дело не в форме...

Один раз Михаил Сергеевич рассказывал, как во время перемены депутаты собрались в Таврическом саду. Сторожа косили траву. Несколько человек левых взяли у них косы.

— Ну, давайте, кто кого! — крикнул Стахович, сбрасывая пиджак и берясь за косу.

И как пошел Стахович махать, ни один социалист за ним не поспевает, вспотели, запарились, а остальные депутаты и сторожа смеются.

— Ну куда им, они ведь представители от крестьян!

— Ведь это поразительно, — сквозь смех воскликнул отец, — поразительно! Ну разве это крестьяне? Ведь это случайно попавший сброд, который берется решать судьбу русского народа. Ни один настоящий, порядочный крестьянин никогда не будет заниматься политикой — это ему чуждо, противно!

ву мысль о проведении системы единого налога Генри Джорджа. Отец обратился по этому поводу к В.А. Маклакову.

— Вчера вечером говорил с Маклаковым, — сказал он, — о проведении системы Генри Джорджа через Государственную думу.

— Ну и что же?

— Да он мне ответил так неопределенно, я думаю, что ничего не выйдет. Главное, что он сам в это не верит...

Действительно, Маклаков сказал отцу, что этой реформы провести нельзя.

В другой раз отец говорил об этом с депутатом Думы Челышевым, который приезжал поговорить с отцом о борьбе против пьянства. Но и Челышев подтвердил мнение Маклакова. Этим кончился интерес отца к Думе.

Он писал свою статью «Единое на потребу». Он призывал к прекращению насилия, убийства и злобы, но какое могли иметь значение его слова?

Люди были заняты крупными политическими и общественными делами, устраивая судьбы русского народа. Какими наивными казались мечты о проведении закона о едином налоге, с какой иронией они относились к идее о непротавлении злу насилием!

Полностью воспоминания Александры Толстой опубликованы в книге «Дочь», выпущенной в свет издательством «Вагнус».